

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава 1. Феномен нации и эпоха модерна (Нового времени)	14
Глава 2. Колониализм – постколониализм – нации	47
Глава 3. Постколониальные нации в историко-культурном контексте: три примера	150
Глава 4. Сложение наций в постколониальных странах в историко-культурном контексте нашего времени	211
Заключение	266
Список литературы	270
Summary	397

CONTENTS

Introduction	9
Chapter 1. The Nation and Modernity	14
Chapter 2. Colonialism – Post-Colonialism – Nations	47
Chapter 3. Post-colonial Nations in the Historical and Cultural Context: Three Cases	150
Chapter 4. Nation-Building in Post-colonial Countries in the Historical and Cultural Context of Our Time	211
Conclusion	266
References	270
Summary	397

Моим учителям

БЛАГОДАРНОСТИ

Эту книгу я посвящаю моим учителям – и тем, кто преподавал мне в школе № 69 города Москвы и на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и тем, кто стал для меня учителями в более широком значении этого понятия, не будучи моими преподавателями в буквальном смысле слова. Все эти люди сыграли колоссальную роль в моей жизни: их советы, помощь, личный пример формировали меня как человека и ученого. К сожалению, очень многих из них уже нет на этом свете, в том числе моих классного руководителя Людмилы Александровны Ломановой и первого научного руководителя Льва Евгеньевича Куббеля. Я их всех помню и вспоминаю. К счастью, и сегодня я могу лично поблагодарить своих университетских преподавателей Алексея Алексеевича Вигасина, Виктора Владимировича Карлова и Сергея Павловича Карпова, научных руководителей Элеонору Сергеевну Львову и Игоря Васильевича Следзевского, старших коллег Александра Степановича Балезина и Владимира Александровича Попова.

Мои дорогие учителя! Низкий поклон каждому из вас от бесконечно преданного вам ученика.

ВВЕДЕНИЕ

Если подойти к вопросу о том, какие страны являются постколониальными, с формальной точки зрения, то таковыми следует признать все страны, когда-либо находившиеся в колониальной зависимости. Однако при подобном взгляде в число постколониальных входят, например, все современные государства Нового Света, включая США, и само понятие «постколониальные страны» («постколониальные общества», «постколониальные государства»), вероятно, утрачивает смысл, потому что оказывается отражающим исключительно формальный исторический факт, не позволяющий рассматривать подпадающие под него современные страны как единую категорию в каком бы то ни было смысле – политическом, экономическом, социокультурном. Притом, что столь же ясно, что понятие «постколониальные страны» должно отражать именно черты сущностного сходства между включаемыми в него обществами и государствами. Но много ли сущностных черт сходства, обусловленных колониальным прошлым, у, к примеру, Канады и Лаоса, Мексики и Чада? Очевидно, что нет. С исторической точки зрения понятие «постколониальные страны» оказывается более широким, чем с социокультурной: в историческом смысле рассмотрение освобождения колоний в Новом Свете в конце XVIII–XIX вв. как первого этапа деколонизации, предшествовавшего второму, охватившему прежде всего Азию и Африку в середине – второй половине XX в., абсолютно оправданно (Isin 2012: 563). Отнесение стран Америки, в особенности Латинской Америки, к постколониальным может иметь смысл (см.: Kaltmeier et al. 2011: 16–20), но если анализировать их как со-

вершенно особую часть постколониального мира, отдельно от стран Азии и Африки, поскольку в социокультурном отношении между ними слишком много различий, гораздо более значимых, чем какие-либо сходства, обусловленные колониальным прошлым. Рассматривать все постколониальные государства (кроме бывших поселенческих колоний – США, Канады, Австралии, Новой Зеландии) как единую категорию (Глобальный Юг), в положении которой существенно сказывается колониальное прошлое объединяемых в ней стран, можно при исследовании международных отношений, но данная работа такого исследования не подразумевает.

Еще один вопрос, который следует прояснить с самого начала: в настоящей монографии анализируются только страны, являвшиеся колониями между второй половиной XIX и второй половиной XX вв., но не все из них, а лишь те, чьими метрополиями были государства Запада. Иначе говоря, в ней не рассматриваются бывшие владения Османской, Российской и Японской империй, если они затем не переходили в руки западноевропейских колонизаторов (как, например, многие арабские страны). Таким образом, в настоящей работе рассматриваются государства, получившие независимость от западных держав после Второй мировой войны, т.е. начиная с 1945 г. Хотя со строго формальной точки зрения при таком подходе можно задать вопрос: а не следует ли рассматривать как постколониальные страны Кипр и Мальту? Эти государства имеют развитую капиталистическую экономику и соответствующую ей социальную структуру, своеобразные, но, безусловно, в целом европейские по типу культуры, являются членами Европейского союза, но независимость (оба от Великобритании) получили только в 1960 и 1964 гг. соответственно. Как бы то ни было, нами в данном случае рассматриваются страны Азии и Африки, составляющие большинство стран, освободившихся от колониальной зависимости после Второй мировой войны. То есть мы не исследуем не только получившие независимость в этот период государства Средиземноморья, но и небольшие островные государства Карибского бассейна и Океании, у которых также есть своя неоспоримая географически, исторически и культурно обусловленная специфика.

При этом мы рассматриваем только страны, находившиеся именно в колониальной зависимости в той или иной ее форме (собственно колонии, подмандатные территории, протектораты и т.д.),

т.е. не имевшие статус политически независимых государств, но не рассматриваем так называемые полуколонии (Китай, Персия и т.д.), которые, несмотря на сильные позиции в них иностранных держав, формально политическую независимость не теряли. То есть страны, исследуемые нами как «постколониальные», объединяет то, что их сегодняшнее положение, в том числе в вопросе сложения наций, в большой степени определяется колониальным прошлым, в котором они даже официально не имели политической независимости, а находились в прямом и полном подчинении у какого-либо западноевропейского государства. Более того, в отличие от полуколоний, существовавших как государства и до превращения в них, огромная часть ныне постколониальных государств была именно создана колонизаторами. Таким образом, по своему географическому охвату понятие «постколониальные страны» в нашей работе не совпадает ни с уже уходящим в прошлое понятием «Третий мир», ни с популярным ныне понятием «Глобальный Юг».

Итак, в центре нашего внимания – страны Азии и Африки, бывшие колониями западных государств между второй половиной XIX и второй половиной XX вв. и получившие политическую независимость не ранее 1945 г.

При схожести постколониальных стран как обществ и государств с еще относительно недавней и оказывающей немалое влияние на их современность колониальной историей, их мир очень неоднороден и разнообразен с точек зрения культурной, социально-экономической, политической. Он включает в себя государства, народы которых имеют культуры с глубокой письменной традицией (большинство стран Азии), с одной стороны, и государства, письменность на языках народов которых была создана только в колониальный период европейцами (в основном в Тропической Африке), – с другой. Постколониальные – и беднейшие страны субсахарской Африки (Нигер, Центральноафриканская Республика, Южный Судан и т.д.), и сверхбогатые страны Персидского залива (Кувейт, Катар, ОАЭ и др.). К числу постколониальных относятся как крупные государства, имеющие собственный голос на мировой арене, такие как Индия, Индонезия, Нигерия, так и маленькие – Бутан, Лесото, Сан-Томе и Принсипи... Существуют многочисленные постколониальные республики и несколько монархий (Бахрейн, Марокко, Эсватини и ряд других).

Тем не менее, при всем многообразии постколониальных стран Азии и Африки у них имеются общие черты, обусловленные именно их колониальным прошлым. Одна из важнейших таких черт – безусловная потребность в формировании национального единства в границах каждого государства, т.е. наций, как совершенно необходимого условия общественного развития постколониальных стран в любой сфере. Проблеме образования постколониальных наций и посвящена эта книга. Исходной посылкой для ее анализа автору послужила убежденность в том, что понимание сути, особенностей, направлений и результатов процесса строительства наций в постколониальном мире возможно только, если рассмотрение этого процесса будет поставлено в широкий исторический и культурный контекст. Он охватывает социально-политическую и интеллектуальную историю начиная с древности и в особенности – весь период формирования и существования наций как феномена – эпоху модерна, или Новое время с конца XV в. до наших дней, и не только Азию и Африку, но также Европу и Северную Америку: именно там феномен нации возник впервые, а его осмысление на протяжении веков в западной традиции политической и социальной философии оказывает существенное влияние на строительство наций в постколониальных государствах.

«Груз прошлого – главное препятствие для Африки», – написал не так давно африканский (нигерийский) исследователь Ч. Офобуйке (Ofobuike 2017: 59). Вспоминая вслед за ним о работорговле, колониализме и неоколониализме, с этим утверждением согласится почти каждый. Но, как ни банально это звучит, история и впрямь не знает сослагательного наклонения, и постколониальным африканским странам приходится продолжать тот исторический путь, который прошли их народы. Однако всемирная история – историческая динамика мира, частью которого являются постколониальные, в том числе африканские, общества, не линейна: водоразделами между эпохами служат принципиальные изменения, не отрицающие предыдущие этапы исторического развития, но и не просто продолжающие их: неолитическая революция, Осевое время, Великие географические открытия, промышленная революция и т.п. Соответственно, меняется и значение конкретных явлений прошлого для настоящего и будущего.

Непосредственный предмет исследования в настоящей работе – природа нации и в связи с ней – природа общества и государства в

постколониальных странах Азии и Африки. Однако постколониальный мир – это не только страны, в прошлом бывшие колониями. Это весь современный мир, потому что деколонизация второй половины 1940-х – 1960-х гг. имела для Глобального Севера едва ли меньшие трансформирующие последствия, чем для Глобального Юга. Сегодня социокультурные и политические процессы во всем мире в огромной степени определяются последствиями деколонизации – достаточно вспомнить о влиянии миграций из бывших колониальных стран на Глобальный Север на самые первоосновы его обществ, культур и государств. Можно утверждать, что постколониальность – не менее значимая характеристика сегодняшнего мира, чем постиндустриальность. Обе эти характеристики решающим образом влияют на определение его состояния как постсовременного – мира постмодерна. Не случайно, в частности, в рамках нового осмысления феномена постколониальных обществ «тема постколониальности возникает на пороге XXI века синхронно с общей актуализацией темы постсовременности...» (Неклесса 2020: 33; см., например: Bhabha 1994: 171–197). Мы постараемся показать, что в сегодняшних условиях доколониальное и колониальное историческое наследие может быть не только препятствием, но и преимуществом при формировании такого ключевого для существования и развития любых современных стран явления, как нация. Но для того, чтобы прошлое не оказалось тянущим на дно грузом, а обратилось на пользу сегодняшнему и завтрашнему дню постколониальных обществ, необходим новый взгляд и на историю, и на современность как самих постколониальных стран, так и всего мира, прежде всего – Европы как родины и глобализатора феномена нации.

Глава 1

ФЕНОМЕН НАЦИИ И ЭПОХА МОДЕРНА (НОВОГО ВРЕМЕНИ)

В противоположность довольно широко распространенному взгляду, мы исходим из того, что не любое общество имеет смысл называть нацией, а его культуру и государство – национальными. Это касается как досовременных обществ, так и современных. Второй аспект особенно важен в связи с темой настоящей работы (по поводу первого аспекта см.: Smith A.D. 1998: 21–24; обзор теорий о современном или досовременном происхождении наций и национализма см.: Acuff 2010). По нашему мнению, утверждение, что, раз та или иная общность людей объединена под властью современного суверенного государства, значит, она образует нацию, переворачивает проблему с ног на голову, ставит телегу впереди лошади: нация как тип организации общества предстает производной от формы государства, причем в ее сугубо правовом, а не содержательном аспекте. Получается, что форма государства определяет содержание общества, и нам не кажется, что такое возможно на самом деле. В правовом отношении, к примеру, и Германия, и Папуа-Новая Гвинея – национальные государства. Но однотипны ли они содержательно, действительно ли оба они национальные не только по форме, но и по сути? Говорить, например, что все, кто входит в Организацию Объединенных Наций, – нации, значит отождествлять нацию – социокультурную общность – с государством – формой политической организации. По нашему убеждению, такой взгляд неоправдан.

Тем более мы далеки от представления о нации как «высшей форме существования этнической общности» (Арутюнов 1989: 93), восходящего к И.Г. Гердеру и Г.В.Ф. Гегелю (Авксентьев 2016: 166), но в нашей стране долгое время господствовавшего благодаря тому, что было канонизировано в советской науке, в частности, в этнографии (см.: Anderson D.G. et al. 2019), и иногда вновь обнаруживающего себя в постсоветской науке (например: Мнацаканян 1999; подробное изложение этой позиции и ее критику см.: Козлов 1995: 89–91; Семенов 1996; Филиппов 2010: 10–179; Соколовский 2016: 46–50). Не можем мы согласиться и с утверждениями, что

«нация – это государственно оформленный этнос», что «нации – это те же этносы, только обладающие мощным инструментом их консолидации – государственностью» (Кадыров и др. 2012: 26, 28; 2013: 30, 32), что «гражданская нация формируется из нации этнической» (Кадыров и др. 2013: 88). Дело не только в том, что во втором из этих высказываний явно звучат отголоски представления о нации как высшей форме этноса. Исторически далеко не каждая нация и национальное государство образовывались на основе этничности населения соответствующей страны, а тем более – на базе какого-то одного этноса. Это совершенно очевидно, если бросить взгляд на большинство постколониальных государств (см., например, специальное исследование обществ и государств Верхнегвинейского побережья Западной Африки: Nøjbjerg et al. 2012a). Но и в демократических национальных государствах Западного мира несоответствие этноса и нации проявляется сегодня, в частности, в том, что, хотя в основе национального единства лежит именно солидарность тех, кто считает себя людьми одной нации (Malešević 2013b), этнический национализм не является в них основой политической солидарности – иначе в них систематически игнорировались бы права меньшинств (Ma 2013). Скорее, в процессе формирования нации культура «нациеобразующего» этноса начинает отождествляться с национальной культурой, но на самом деле это отождествление неверно. Скажем, правильно ли считать «государственно оформленным этносом» французскую нацию, если в ней до сих пор сохраняются элементы донационального культурного деления на Лангедок и Лангедойль, а провансальцы и бретонцы занимают во французской нации особые места, несомненно, являясь ее частью? Тем более странно было бы считать государственно оформленными этносами нации испанцев, итальянцев, немцев.

В нашем понимании нация – это надэтническая общность людей, верящих в свое единство (т.е. в общую для них национальную идентичность) через принадлежность к одному национальному гражданскому обществу как форме социальной организации нации; разделяющих единую в своих базовых чертах систему нравственных, социальных, политических ценностей, отражающихся в национальной культуре и подпитываемых национальной мифологией; и имеющих особую форму политической организации своей общности – национальное государство. Если нацию и допустимо

назвать вслед за Б. Андерсоном «воображаемым сообществом» (Андерсон Б. 2001), а в существовании национальной идентичности, да и вообще коллективной идентичности как чего-то большего, нежели идеологического конструкта, можно сомневаться (Malešević 2002; 2006a; 2011; Кузнецов и др. 2021; о подходах к пониманию национальной идентичности см.: Акопов, Розанова 2010: 26–36), то государство, именуемое национальным, – безусловная политико-правовая реальность. «Нация и государство усиливают друг друга: мощь государства используется, чтобы усиливать национальную идентичность, в то время как люди, которые связаны воедино таким образом, более склонны принимать общую политическую власть и вставать на ее защиту, когда на нее нападают» (Miller D. 2003: 115–116).

Утверждение нации – это процесс определения и сохранения ее границ (в буквальном – географическом, международно-правовом – и переносном – ментальном, социокультурном – смыслах слова) как «законных» пределов существования именно ее особых общества, культуры и государства (Alonso 1994: 393–396; Conversi 1995; Moore 2001; Paasi 2013; 2020). То есть, и это важно отметить, нация не только объединяет людей в сообщество, но и отделяет их как членов этого сообщества от всего остального человечества. По выражению И. Валлерстайна (2020: 126), «национализм является квинтэссенцией... партикуляризма». «Существование проблемы национальной идентичности в свою очередь означает существование политики отчуждения» (Idowu 1999: 48; см. также: Bader 1995; Moore 2001: 25–134; Sassen 2009; Акопов, Розанова 2010: 14–22; Aminzade 2013a: 1–7). Как и любая другая (родственная, этническая, региональная, религиозная и т.д.), национальная «коллективная идентичность производится социальным конструированием границ» (Preyer, Bös 2001: 7; см. также: Eriksen Т.Н. 1993a: 111–116; Alonso 1994: 393; Bhabha 1994: 139–170; Elwert 1995; Massey 1995: 67; Miller D. 2003: 114; Dumouchel 2015; Nail 2016). Необходимо подчеркнуть, что это конструирование не волюнтаристично, не произвольно, а осуществляется в контексте истории той или иной общности. Можно сказать, что история и формирует эту общность как национальную, поскольку по ходу нее общность обретает именно такую идентичность именно в таких границах (Moore 2001: 12–13; Sassen 2009).